

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ПАПКОВА

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5776-1802; elena.iv@bk.ru

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ И ЕГО «СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ»

А н н о т а ц и я . Истории литературной группы «Серapiоновы братья» посвящено немало исследовательских работ, однако проблема неполноты знаний о ней, ее месте в литературном процессе XX века существует и может быть решена только на основании впервые вводимых в научный оборот новых архивных материалов, касающихся серapiонов. Актуальность и новизна статьи определяются тем, что в ней сделана попытка прояснить и уточнить некоторые моменты истории братства, рассмотрев малоизвестные и не так давно изданные эго-документы одного из «братьев» – писателя Всеволода Иванова. Используя метод историко-литературного комментария, автор анализирует письма Иванова 1922–1923 годов, адресованные писателям А. Н. Толстому и К. Н. Урманову, которые представляют как тесную связь молодого писателя с «братьями», так и творческие споры между ними. Другая группа документов, письма К. А. Федина и Иванова, относящиеся к декабрю 1925 года, показывают противоречивое отношение последнего к программным установкам «серapiонов»: в вопросах «идеологии» оба «брата» единокорны, однако вопрос о направлении своего творческого пути Иванов в новых произведениях – рассказах, составивших его лучшую книгу «Тайное тайных», – решает, споря с «Серapiоновыми братьями», прежде всего серapiонами-«западниками», в том числе с их пониманием языка художественного произведения. Наконец, опубликованные в различных изданиях и отложившиеся в семейном архиве воспоминания Иванова о «серapiонах», рассмотренные с точки зрения истории текста, показывают, как в период гонений на группу «брат Алеут» стремится создать едва ли не идеальный ее портрет, подчеркивая значимость «Серapiоновых братьев» в литературном процессе XX века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : литературная группа «Серapiоновы братья», Всеволод Иванов, письма 1920-х годов, серapiоновский альманах, направление творческого пути, школа мастерства

Д л я ц и т и р о в а н и я : Папкина Е. А. Всеволод Иванов и его «Серapiоновы братья» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.640

ВВЕДЕНИЕ

Литературной группе «Серapiоновы братья» посвящено немало исследовательских работ: статьи Вяч. Вс. Иванова «Судьбы серapiоновых братьев и путь Всеволода Иванова» и «Лунц и Мандельштам: фабула у серapiоновых братьев» [4: 482–503], книга Б. Фрезинского «Судьбы серapiонов. Портреты и сюжеты» [12]; глава «Идеология или сюжет? (Серapiоны-критики в литературно-политической борьбе первого периода нэпа)» в книге Н. В. Корниенко «“Нэповская оттепель”: становление института советской литературной критики» [5: 71–107] и др.; материалы международных конференций 1995 года – «Литературная группа “Серapiоновы братья”»: истоки, поиски, традиции» (СПб.) и 2011 года – «Серapiоновы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: к 90-летию

образования группы» (Саратов). На протяжении всего XX века выходили воспоминания самих серapiонов: книги К. Федина «Горький среди нас» (1941, 1967), В. Каверина «“Здравствуй, брат. Писать очень трудно...” Портреты. Письма о литературе. Воспоминания» (1966), М. Слонимского «Книга воспоминаний» (1967) и др. Изданы неизвестные ранее письма многих членов группы [9], [10]. Однако согласимся с Вяч. Вс. Ивановым: «...нужно отдать себе отчет в неполноте наших знаний (отчасти вынужденной: не все архивы еще открыты и обследованы, многое еще не издано) и субъективности оценок» [4: 497].

В статье на основании не так давно изданных и малоизвестных архивных материалов ставится задача уточнить и прояснить некоторые моменты истории «серapiонов», взглянув на «братьев» глазами одного из них – Всеволода Иванова.

ПИСЬМА 1921–1922 ГОДОВ

О том, как весной 1921 года никому тогда не известный Иванов появился в Доме искусств, как его познакомил с «братьями» А. М. Горький, как поражены были собравшиеся прозой писателя – ее «неожиданностью, оригинальностью и обещанием дальнейших открытий» [3: 89], вспоминали К. Федин, М. Слонимский, В. Каверин, В. Шкловский, Е. Полонская [3: 5–42, 89–101]. Сам Иванов в воспоминаниях «История моих книг» (1957) с теплотой рассказывал об этом. Но это рассказ 1950-х годов, в котором многое определялось уже сложившимся к этому времени отношением к «Серрапионовым братьям». Обратимся к письмам Иванова того времени, когда это знакомство произошло, то есть начала 1920-х годов. В 1922–1923 годах (период жизни в Петрограде и активного участия в содружестве «Серрапионовы братья») «брат Алеут» пишет одновременно двум корреспондентам-писателям – А. Н. Толстому и К. Н. Урманову.

В апреле 1922 года находящийся в эмиграции Толстой получает письмо от К. И. Чуковского, где, в частности, говорится о «Серрапионовых братьях». Заботясь о молодых писателях, Чуковский просит Толстого «помочь – через АРА или как-нибудь – Слонимскому, Лунцу, Иванову, Зоценко», сообщает, что передал им слова Толстого о возможной публикации за границей [8: 113]. Толстой отвечает, что готовит новый журнал, «литературно-критический, без политики» (имеется в виду приложение к газете «Накануне»), и передает «горячую просьбу Замятину и “Серрапионовым братьям” прислать рукописи» [2: 36–37]. 15 мая Иванов вместе с письмом посылает рассказ «Дите», который будет напечатан в «Литературном приложении» к «Накануне» 11 июня 1922 года. Закономерно, что в письмах Толстому Иванов позиционирует себя прежде всего как один из «Серрапионовых братьев», и слово «мы» в его письмах явно показывает, как тесно писатель связан с «братьями», как дорожит их единством. Читаем в письме от 23 июня 1922 года:

«Все желают страстно, что<бы> Серрапионы распались, ибо поодиночке удастся их прилепить к кадетствующему идолу (у него такая буддийско-металлическая усмешечка) Замятину, а может, и еще кому поглубже. А мы не хотим и не будем» [7: 455].

Письмо от 17 июля 1922 года дает представление о некоторых литературных задачах группы: «М<ожет> б<ыть>, на Запад и повлияет то, что мы пишем, а здесь мы чувствуем себя очень одинокими, я бы сказал, ненужными». В качестве примера новых «творческих форм»,

которые предлагают «серрапионы», Иванов называет напечатанные в № 3 журнала «Литературные записки» их автобиографии [7: 458]. Отметим, что практически все они, в том числе и автобиография самого Иванова, написаны в стилистике, утверждавшейся серрапионами-«западниками» (Л. Лунцем, В. Кавериным, М. Слонимским): остранение, парадоксальность, увлекательная фабула, представление трагического, в том числе и событий недавно окончившейся Гражданской войны, в форме комического.

В противоположность приведенным фрагментам писем цитата из письма Толстому от 8 декабря 1922 года передает разногласия Иванова с «братьями», особенно с Лунцем, призывавшим русских писателей ориентироваться на Конан Дойла, Буссенара и Купера: «Я с “Серрапионами” весьма воюю за быт и против сюжета...» [7: 462]. Из письма от 17 июля того же года понятно, почему Иванов не принимает программу Лунца:

«Этому новому волку – НЭПману, буржую, тоже не нужно даже, как говорил Щедрин, “драчишно-психологического” романа. Он отъестся, потребует Конан-Дойла и будет доволен» [7: 458].

Если добавить к этому слова из письма от 23 июня: «Все литература, о литер<атуре>, литературное – и мне бывает очень скучно» [7: 456], то можно увидеть, что отношение к «Серрапионовым братьям» у «брата Алеута» с самого начала сложилось противоречивое: друзья, соратники по литературе, учителя, но в чем-то и оппоненты, а преданность искусству никогда не переходила у Иванова в стремление поставить его выше жизни.

Одновременно с письмами к Толстому Иванов отправляет корреспонденции в Сибирь своему давнему другу – писателю К. Н. Урманову. В одном из писем есть фраза, судя по контексту посвященная «Серрапионовым братьям»: «Есть здесь талантливейшая молодежь, и тебе с ней не мешало бы познакомиться» (20 июня 1921 года)¹. Но, как ни парадоксально, это единственное восхищенное слово о серрапионах. На протяжении 1921–1923 годов Иванов больше всего рассказывает другу о Петроградском Пролеткульте: о пролетарских поэтах – И. Ерошине, И. Садофьеве, А. Маширове, М. Герасимове, «замечательном хорошем парне» (Иванов: 340); о журнале «Грядущее», редактором которого он ненадолго становится в конце 1921 года. Собирая статью М. Шагинян, посвященной серрапионам, о выходе «хорошего» сборника «Серрапионовых братьев» (Иванов: 366), о том, что его «выключили из Ассоциации пролетарских писателей», потому что он «не пожелал выйти из “Серрапионовых братьев”» (Иванов: 364), Иванов

в письмах непривычно сдержан. Характеристики Дома искусств: «Вчера пьянствовали в Доме искусств. То есть так перепились, что описать неприлично» (Иванов: 353) – 15 января 1922 года; серапионовских учителей: «Замятин в Москве, Чуковский на даче. – Про стихи твои спросить не у кого, да и надоели мне эти благомысленные стервы!» (Иванов: 318) – 29 июня 1921 года; серапиона Н. Никитина: «...это эклектик и ничего из него не будет, хотя он и талантлив...» (Иванов: 383) – 9 июня 1923 года – в целом негативные. Слова Л. Лунца об Иванове: «Он все-таки нам чужой» [5: 63] из письма А. М. Горькому от 9 ноября 1922 года, думается, недалеко от истины. Видимо, так он себя и чувствовал, далеко не всегда разделяя общее «зверское веселье», о котором Лунц писал Н. Берберовой в письме от 30 сентября 1922 года, рассказывая о том, как ставит «потрясающие кинотрагедии по новому методу»: «Действительный член Дома искусств» (про Никитина), «Памятник Михаила Слонимского» и «Фамильные бриллианты Всеволода Иванова» и «издевается над присутствующими» [11: 58]. Почти в каждом письме Урманову, особенно за 1922 год, Иванов наряду с рассказами о достигнутых литературных успехах признается в своей «хандре», нежелании писать, скуке от Петрограда, где «камни и на камнях люди яблоками торгуют», «ни одного журнала, ни книг, и никто ни во что не верит» (23 августа 1921 года) (Иванов: 323). Делится в письмах своими сомнениями в верности политического курса страны: «...если бы война – это очень плохо – при нашем поносе, именуемом НЭПом», при котором «спекулируют все, и коммунисты и некоммунисты» (6 марта 1922 года) (Иванов: 365). Рассказывает о смерти дочери и своем желании уехать в Сибирь: «Тому много причин, одна из важнейших – огромная душевная боль», замечая попутно, что он «всякую психологию из своих работ выкинул» (в соответствии с установками серапионов), а «в душе-то образовалась достоевщина...» (17 июля) (Иванов: 379). В письме от 6 марта находим отклик на события, связанные с подготовкой в конце 1921 – начале 1922 года процесса над партией эсеров, который проходил летом 1922 года: «...Виктора Шкловского ищут арестовывать за какие-то контрреволюции в его младенчестве. Раньше он был эсер, и вот по книге Семенова его и ищут» (Иванов: 365). Известно, что одним из поводов для массовых арестов послужила провокационная книга Г. И. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.» (Берлин, 1922), где, в частности, упоминался В. Шкловский. Судьба Шкловского

интересует Иванова и потому, что сам он в недалеком прошлом, в 1917 году, в Кургане являлся членом партии эсеров. Как видно из писем, ни политика, вне которой быть не получалось, ни личная жизнь Иванова не давали оснований для веселья, а «собратья», видя «брата Алеута» чаще всего молчаливым, о его душевном состоянии не догадывались.

СЕРАПИОНОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

Осенью 1923 года Иванов переезжает в Москву, но связей с «братьями» не теряет. Подтверждение этому – история неопубликованного альманаха «Серапионовых братьев», которая нашла отражение в письмах Фебина от 30 ноября 1925 года и Иванова от 2 декабря. Приведем фрагмент письма Фебина (курсивом обозначен текст, не публиковавшийся до 2016 года):

«...До чего тихо!! Львы опять вместе с обезьянами и ослами, при этом все улыбаются. До чего скучно! От скуки – страшная злоба. Со злобы додумался я до... альманаха “Серапионовы братья”. Говорю СЕРЬЕЗНО. Вот план: выпустить к 1-му февраля (ПЯТИЛЕТИЕ!) сборник с участием ВСЕХ (покойного Лунца в том числе) серапионов; поэзия, проза, статьи (“пять лет” – это “информационно!”, “памяти Лунца”), библиография; весь состав должен быть таким, чтобы получилось впечатление, что мы ничего не заметили и замечать не собираемся! Рассказы должны быть “вообще”, по возможности необычные (т.е. без Кремля, без социологии, без всех узаконенных и приятных ослам и лвам аксессуаров), но очень хорошие. Довольно по одному листу на брата. Ты понимаешь, ЧТО будет! ЧТО поднимется!! Ничему-де не научились и пр<очее>. Все это должно быть вполне невинно, без задору. Этого только и надо, чтобы сделать действительно хорошее, полезное для наших дней дело. Весь облик альманаха должен быть неожиданностью» [10: 284].

В случае согласия Иванова Фебин ждет от него рассказ, «который никуда “не подходит”». Воодушевленный идеей Иванов отвечает (напечатано впервые в 2010 году):

«Именно теперь, как никогда, необходимо выпустить такой сборник. <...> Достал я свою тетрадь, где всякие проекты записаны, начал искать... Впереди, конечно, революция и прочие благородные масла – и нашел – ну, знаешь – будет весело.

Работаю я теперь много. Правда, и заказов-то много, – но, полагаю, что самое позднее – через две недели оный рассказ будет готов. Думаю, втисну все – деревню без коммунистов, героев без партии – листа в 1½. <...> Посоветовал бы ты Кольке Никитину халтуру бросить. Я на этом обжегся, теперь года полтора-два исправлять надо. Оказывается-то, литература – вещь настоящая» [9: 699].

Первые фразы письма Фебина, вероятно, отклик на знаменитое постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике

партии в области художественной литературы», закрепившее тот факт, что у пролетариата уже «есть безошибочные критерии общественно-политического содержания любого литературного произведения». И хотя по отношению к попутчикам (а значит, и к серапионам) «общей директивой должна <...> быть директива тактичного и бережного отношения», результатом его неминуемо явится «возможно более быстрый их переход на сторону коммунистической идеологии» [1: 53–58]. Судя по словам Федина о рассказах для сборника: «...без Кремля, без социологии, без всех узаконенных и приятных ослам и лвам аксессуаров», которые перекликаются со словами Иванова: в его рассказе будут «деревня без коммунистов, герои без партии», «братья» считают нужным напомнить власти и читателям, что серапионы живы и не собираются отступать от утверждавшегося ими принципа быть вне идеологии.

Однако, соглашаясь с идеей посвятить сборник «памяти Лунца», Иванов по-прежнему менее всего готов принять его программные установки. Понимание того, что «литература-то вещь настоящая», приводит Иванова к совершенно иным результатам. В конце 1925–1926 году он работает над рассказами, составившими лучшую его книгу «Тайное тайных» (1926) и сохранившими те ценности русской классической литературы, против которых выступал Л. Лунц в статье «На Запад!» – «философские и социальные вопросы», «проблемы черта и Бога, добра и зла», «нудную психологическую жвачку» [6: 350–357]. В рассказах «Жизнь Смокотинина», «Полынья», «Ночь», «Плодородие», «Поле» и других, составивших книгу «Тайное тайных», Иванов напишет о смятенной душе русского человека, с болью переживающего пореволюционный «раскол в стране» (С. Есенин). Неслучайно такое важное место занимают в книге сквозные темы бездорожья, пустыни, утраты сокровенного Слова. Другим станет и язык писателя. В «Истории моих книг» Иванов напишет, что книга «Тайное тайных» «спорила с “Серапионовыми братьями”», «отрицала орнаментализм и все другие словесные и смысловые изощрения, которыми мы были так богаты»².

ВОСПОМИНАНИЯ «ИСТОРИЯ МОИХ КНИГ»

Переходя к «Истории моих книг», отметим, что мемуары Иванова о серапионах были первыми воспоминаниями членов группы, напечатанными после публикации в «Правде» 21 сентября 1946 года доклада А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», где М. М. Зощенко был

назван «одним из организаторов литературной группы так называемых “Серапионовых братьев”». Припомнив автобиографию 1922 года, Жданов констатировал, что за 25 лет Зощенко «не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, с циничной откровенностью продолжает оставаться проводником безыдейности и пошлости...<...> Как тогда, так и теперь он чужд и враждебен советской литературе»³.

Публикация в журнале «Наш современник» (1957. № 3; 1958. № 1) воспоминаний Иванова о разных периодах его жизни, в том числе и об общении с серапионами, вызвала негативные оценки. Приведем, например, отклик некоего «литературоведа», упрекнувшего писателя в том, что тот не осудил «политически вредную программу “Серапионовых братьев”»⁴. При включении воспоминаний в собрание сочинений Иванова (1958) редакторы «поправили» писателя; в семейном архиве хранится третий номер журнала «Наш современник» за 1957 год со сделанными купюрами (сокращенный редакторами текст набран курсивом):

«М. Горький познакомил меня с молодыми писателями “Серапионовы братья” из Дома искусств. Писатели назвали себя так в честь романа знаменитого писателя Э. Гофмана. В романе этом несколько молодых людей, собравшись у пустынного Серапиона, рассказывают друг другу различные – правдивые и фантастические – истории. Ну что же! Дом искусств был достаточно пустынен и в нем имелось два-три волосатых пустынного; историй я тоже знал немало. Кроме того, пролеткультисты, будучи в большинстве поэтами, не могли помочь мне овладеть искусством прозы. “Серапионовы братья” были преимущественно прозаики – и прозаики, по-видимому, умелые. Я стал “серапионом” и принял шуточную кличку “Брат алеут”»⁵.

Многие эпизоды, раскрывающие повседневную голодную и творческую жизнь братства, исключались из воспоминаний. Например, слова о том, что «встречи с “серапионами”, равно как и встречи с пролеткультистами – те и другие, хотя и по-разному, упивались новой литературой, грезили о ней, – учили, поощряли, толкали к тому, что у нас сейчас называется “овладение мастерством”»⁶. Заново переписывались по требованию редактора сомнительные с точки зрения идеологии эпизоды. Сравним журнальный вариант и вариант «Собрания сочинений» (полужирным шрифтом обозначен текст, введенный по требованию редактора):

«После того как “Серапионовы братья” приобрели некоторую известность и была напечатана статья Льва Лунца о планах и стремлениях “серапионов”, в критике стало мелькать мнение, что “Серапионовы братья” – представители новой буржуазной литературы.

К этому мнению присоединились и мои друзья, пролеткультовцы. Они предложили мне покинуть вредную группу «Серапионовы братья». *Я смеялся и грустил. Смеялся потому, что мне казалось нелепым, когда меня и моих товарищей – Н. Тихонова, К. Федина, М. Зошенко, В. Каверина, Н. Никитина, М. Слонимского, Е. Полонскую, И. Груздева – так огульно и безапелляционно причисляют к буржуазным писателям. И грустил потому, что мне было жалко расставаться с пролеткультовцами. А что поделаешь? Я чувствовал всем сердцем, что именно в дружбе и совместной работе с “Серапионовыми братьями” могу раскрыть полностью свое дарование, если оно есть вообще*⁷.

В Собрании сочинений:

«Когда “Серапионовы братья” приобрели некоторую известность, была напечатана статья Льва Лунца о планах и стремлениях “серапионов” в его представлении. Статья эта предварительно не обсуждалась серапионами, а возникшие, по ее опубликованию, разногласия серапионов, не были преданы гласности, и поэтому в критике стало мелькать мнение, что “Серапионовы братья” – представители новой буржуазной литературы.

К этому мнению присоединились и мои друзья, пролеткультовцы. Они предложили мне покинуть вредную группу «Серапионовы братья». **Я огорчался и недоумевал:** мне казалось нелепым, когда меня и моих товарищей – Н. Тихонова, К. Федина, М. Зошенко, В. Каверина, Н. Никитина, М. Слонимского, Е. Полонскую, И. Груздева – так огульно и безапелляционно причисляют к буржуазным писателям. Но мне было жалко расставаться с пролеткультовцами. А что поделаешь?»⁸.

В семейном архиве хранятся черновые наброски к «Истории моих книг», которые показывают, как создавался писателем в 1950-е годы портрет группы «Серапионовы братья». Иванов

не включил в опубликованный текст слишком пылкие признания: «Я любил и люблю поныне “Серапионовых братьев” нежной братской любовью»⁹. В то же время были сняты строки, умаляющие значение группы в истории литературы XX века:

«...мне казалось, что “Серапионовы братья”, в силу различия их характеров и даже литературных вкусов, являются случайным сцеплением, а никак не литературной школой. <...> “серапионы” настолько были различны, что выпустили только один альманах, к тому же довольно слабый, который почти не имел отклика в прессе, и к дальнейшему выпуску альманаха или к созданию своего издательства, для чего имелись все возможности, не стремились. Каждый шел своей дорогой»¹⁰.

Опубликованный текст не сохранил упоминаний о разногласиях «братьев», размышлений о том, полезно ли для мастерства «увлечение орнаментальностью прозы, фрагментарностью композиции, разнообразными средствами иронического переосмысливания материала»¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что изначально противоречивое отношение Иванова к «Серапионовым братьям» обуславливалось сложностью выбора писателем своего творческого пути, далеко не во всем совпадающего с программными установками «серапионов». В то же время, особенно в 1950-е годы, Иванов, стремясь защитить «Серапионовых братьев» от несправедливых обвинений, многое переосмыслил, и группа предстала в его воспоминаниях как школа высокого литературного мастерства, сыгравшая важную роль в истории литературы XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Вс. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. Новосибирск: ИД «Свинья и сыновья», 2015. 318 с. Далее в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страницы.

² Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 159.

³ Правда. 1946. 21 сент. С. 2.

⁴ Литература и жизнь. 1958. 18 мая. С. 2.

⁵ Иванов Вс. История моих книг. С. 141–142.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Гос. изд. худ. лит., 1958. С. 7–126.

⁹ Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. Очерки. М.: Сов. писатель, 1987. С. 49.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Там же. С. 49.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б); ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
2. Воспоминания об А. Н. Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. 496 с.
3. Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. Изд. 2-е, доп. М.: Сов. писатель, 1975. 448 с.
4. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.

5. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 498 с.
6. Лунц Л. Литературное наследие / Предисл., коммент., сост., подгот. текста А. Л. Евстигеевой. М.: Научный мир, 2007. 709 с.
7. Папкина Е. А., Погорельская Е. И. Всеволод Иванов и Алексей Толстой в 1920-е гг. // Алексей Толстой. Диалоги со временем. Вып. 3 / Отв. ред. Г. Н. Воронцова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 442–468.
8. Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1989. 351 с.
9. Письма Вс. Иванова К. А. Федину / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. А. Мазановой // Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 692–714.
10. Письма К. А. Федина Вс. Иванову / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е. А. Папкиной // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 680 с.
11. Серапионовы братья в зеркалах переписки. М.: АГРАФ, 2004. 544 с.
12. Фрезинский Б. Судьбы серапионов. Портреты и сюжеты. СПб.: ИД «Академический проект», 2003. 592 с.

Поступила в редакцию 01.03.2021; принята к публикации 17.05.2021

Original article

Elena A. Papkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5776-1802; elena.iv@bk.ru

VSEVOLOD IVANOV AND HIS SERAPION BROTHERS

Abstract. A lot of research works have been addressing the history of the Serapion Brothers literary group, however this organization and its place in the literary process of the XX century remain understudied, and this problem can be solved only through studying new archival materials concerning the Serapions, which have not been previously introduced into circulation. The relevance and novelty of the article are determined by the fact that it presents an attempt to clarify and specify certain aspects of the brotherhood's history by investigating recently published little-known ego-documents of one of the Brothers – the writer Vsevolod Ivanov. The author uses the method of historical and literary commentary to analyze Ivanov's letters of 1922 and 1923 addressed to writers Aleksey Tolstoy and Kondratiy Urmanov, which demonstrate both the close connection of the young writer with the Serapion Brothers and the creative disputes between them. Another group of documents, Ivanov's correspondence with Konstantin Fedin dating back to December 1925, shows the former's contradictory attitude to the Serapions' program manifesto: both Ivanov and Fedin are unanimous on "ideological" issues, while the question of searching for the creative path in his new works, the stories from his best book *The Secret of Secrets*, is answered by Ivanov through the argument with the Serapion Brothers (primarily with the Westernizers among them), in particular with their understanding of artistic language. Finally, Ivanov's memoirs about the Serapions published in various publications and stored in the family archives, examined from the point of view of text history, show how during the period of persecution against the Serapion Brothers literary group Ivanov sought to create a nearly perfect portrait of it, emphasizing its significance for the literary process of the XX century.

Keywords: Serapion Brothers literary group, Vsevolod Ivanov, letters of the 1920s, Serapion Brothers almanac, creative path direction, mastery school

For citation: Papkova, E. A. Vsevolod Ivanov and his Serapion Brothers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.640

REFERENCES

1. Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RKP(b) – VKP(b); Vecheka – OGPU–NKVD on cultural policy. 1917–1953. Moscow, 1999. 872 p. (In Russ.)
2. Memoirs about A. N. Tolstoy. Moscow, 1982. 496 p. (In Russ.)
3. Vsevolod Ivanov – writer and person. Memoirs of his contemporaries. Moscow, 1975. 448 p. (In Russ.)
4. Ivanov, V. V. Selected works on semiotics and cultural history. Vol. II. Articles about Russian literature. Moscow, 2000. 880 p. (In Russ.)
5. Kornienko, N. V. "Thaw of the New Economic Policy": Formation of the institute of Soviet literary criticism. Moscow, 2010. 498 p. (In Russ.)
6. Lunts, L. Literary heritage. Moscow, 2007. 709 p. (In Russ.)
7. Papkova, E. A., Pogorel'skaya, E. I. Vsevolod Ivanov and Aleksey Tolstoy in the 1920s. *Aleksey Tolstoy. Dialogues with time*. Issue 3. (G. N. Vorontsova, Ed.). Moscow, 2019. P. 442–468. (In Russ.)
8. Correspondence of A. N. Tolstoy. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1989. 351 p. (In Russ.)
9. Letters of V. Ivanov to K. A. Fedin. Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of his biography and work. (E. A. Mazanova, Ed.). Moscow, 2010. P. 692–714. (In Russ.)
10. Letters of K. A. Fedin to V. Ivanov. Konstantin Fedin and his contemporaries: The literary heritage of the XX century. (N. V. Kornienko, Ed.). Moscow, 2016. 680 p. (In Russ.)
11. The Serapion Brothers through correspondence. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
12. Frezinskiy, B. The fates of the Serapions. Portraits and life plots. St. Petersburg, 2003. 592 p. (In Russ.)

Received: 1 March, 2021; accepted: 17 May, 2021